Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности

КАЗАКОВА Вера Александровна, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор

Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38

E-mail: vera1313@yandex.ru

ИНШАКОВ Сергей Михайлович, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор

Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38

E-mail: insmi@yandex.ru

Рассмотрены терминологические недостатки текста Уголовного кодекса Российской Федерации, а также противоречия междисциплинарного характера, среди которых: отсутствие определений для терминов, имеющих несколько смысловых понятий; правовые лакуны; нормативная избыточность; нормативные коллизии; другие лингвистические неточности, оказывающие влияние на качество квалификации преступлений и назначение наказаний за них.

Цель исследования — поиск путей коррекции юридической терминологии, устранения негативных факторов на примере статей УК РФ. Задачи исследования: выявление неоднозначного толкования определений; сравнение противоречащих друг другу положений Уголовного кодекса, судебного толкования таких синонимичных или тождественных терминов, как «вовлечение», «склонение», «понуждение», «принуждение» и т. п.; сравнение формулировок, отражающих роль суда в освобождении виновных от ответственности, и их связь с объемом полномочий суда в этом процессе.

Использованы методы сравнительного правоведения, систематического и грамматического толкования, изучения документов (постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации), статистического анализа данных о применяемых судами наказаниях.

Выявлена прямая связь терминологических погрешностей текста уголовного закона с проблемами квалификации преступлений и их наказуемости, предпосылки отступления судебной практики от провозглашенных в законе и доктринальных принципов уголовной ответственности — законности, субъективного вменения и т. д. Предложены пути совершенствования законодательной техники уголовного законодательства.

Ключевые слова: терминологические недостатки, правовые лакуны, нормативная избыточность, многозначность терминов Уголовного кодекса, правовые коллизии.

Для цитирования: Казакова В. А., Иншаков С. М. Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 120—133. DOI: 10.12737/jrl.2020.071

Legal Terminology Editing regarding the Mechanism of Acquisition of Legal Essence by Criminal Law

V. A. KAZAKOVA, S. M. INSHAKOV

Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Moscow 119034, Russian Federation

E-mail: vera1313@yandex.ru; insmi@yandex.ru

The article considers terminological shortcomings of the text of the Russian Criminal Code, as well as contradictions of an interdisciplinary nature, including the lack of definitions for terms that have several semantic concepts, legal lacunae; normative redundancy; normative conflicts and other linguistic inaccuracies that affect the quality of the qualification of crimes and the imposition of punishments.

The purpose of the research is to find ways to edit legal terminology and eliminate negative factors using the example of articles of the Russian Criminal Code's General and Special parts. The research aims at identifying ambiguous definitions, comparing conflicting provisions of the Criminal code, and judicial interpretation of such synonymous or identical terms as “involvement”. “persuasion”, “compulsion”, “coercion”, etc. Comparison of wording reflecting the role of the court in exonerating the guilty from responsibility, and their relationship to the scope of the court's powers in this process.

Methods of comparative law, systematic and grammatical interpretation, study of documents (decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation), and statistical analysis of data on punishments applied by courts were used in the article.

The direct link between the terminological errors in the text of the criminal law and problems of qualification of crimes and their penalties, the prerequisites of derogation from judicial practice enshrined in law and doctrinal principles of criminal responsibility — the rule of law, subjective imputation, etc. is revealed in the article. The ways of improvement of legislative technique of criminal law is also offered.

Keywords: terminological shortcomings, legal lacunae, normative redundancy, ambiguity of terms in the Criminal Code of the Russian Federation, conflict of law.

For citation: Kazakova V. A., Inshakov S. M. Legal Terminology Editing regarding the Mechanism of Acquisition of Legal Essence by Criminal Law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 120—133. DOI: 10.12737/jrl.2020.071 (In Russ.)

Эффективность правового регулирования человеческого поведения во многом зависит от качества формулирования запретов и дозволений, в первую очередь в уголовно-правовой сфере. Современное состояние уголовно-правовых норм с лингвистически-понятийной точки зрения далеко от идеала. Это связано со многими объективными и субъективными причинами, среди которых:

недооценка значимости терминологических особенностей понятийного аппарата;

частое внесение изменений в законодательство, разрушающих его системность;

взаимозависимость отраслевого регулирования, межотраслевой характер воздействия на социальные явления;

невнимание законодателя к возможностям противодействия правонарушениям нормами иных (кроме уголовного) отраслей законодательства, игнорирование принципа экономии репрессии;

отсутствие системного подхода к формированию уголовно-правовых запретов, недальновидность в предвидении логики взаимодействия вводимых новаций с традиционным текстом;

неучет практических возможностей реализации запретов;

непредвидение особенностей восприятия уголовно-правовых запретов населением и правоприменителями ввиду игнорирования принципов справедливости, равенства граждан перед законом, политических, моральных, религиозных и иных различий в менталитете адресатов.

Терминологическим ошибкам специалисты придают большое значение и отводят специальное место в законотворческом процессе, связывая их наличие с серьезными ошибками в квалификации и наказуемости преступлений: «Технико-юридический критерий определенности, занимая доминирующую позицию в конструировании правовых норм, оказывает значительное влияние на качество закона, толкование тех или иных юридических коллизий. С критерием определенности связывают употребление в тексте закона тех или иных терминов и понятий. В каждом конкретном случае законодателю необходимо четко определять перечень предполагаемых к использованию в законе понятий. Для правильного построения закона в него должны включаться прежде всего научно-юридические понятия,

выработанные правовой наукой и апробированные практикой. Их игнорирование и недооценка, как правило, ведут к законотворческим, а впоследствии и правоприменительным ошибкам, различным юридическим противоречиям, правовым конфликтам¹. По вопросам текстологии закона, юрислингвистики, юридической техники написаны монографии, статьи, диссертации, в частности, такими авторами, как А. С. Александров, А. И. Бойко, Т. В. Губарева, Ю. Г. Зуев, Е. В. Ильюк, Н. А. Калинина, Т. В. Кашанина, Д. А. Керимов, М. Б. Кострова, Л. Л. Кругликов, П. Н. Панченко, К. К. Панько, А. И. Ситникова, Н. С. Третьякова, Д. В. Чухвичев и др. Однако терминологические проблемы уголовного закона не иссякают, а лишь множатся в условиях постоянно изменяющегося законодательства.

В результате действия этих факторов в нормативных документах присутствуют как системные недостатки, оказывающие существенное влияние на правоприменение, так и курьезные, которые не столько влияют на состояние законности, сколько снижают авторитет законодательства в целом. К последним, например, можно отнести споры филологов и юристов по поводу написания термина «оперативно-ро(а)зыскная деятельность». Согласно правилам орфографии написание приставки «раз-(рас-)/роз-(рос)-» подчиняется правилу, по которому: без ударения пишется буква «а», а в ударной позиции — «о». Однако в орфографических словарях и учебниках прошлого века написание «розыскной» было единственным и считалось исключением. Сегодня это уже устаревший вариант. С 1999 г. филологами настоятельно предлагается привести написание

слова «розыскной» в соответствие с общим правилом. Таким образом, в наименовании и в тексте Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и в многочисленных подзаконных актах до сих пор это слово пишется через «о», а в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» — через «а». Показательно, что в УК РФ еще пять лет назад встречались оба варианта написания, в последней редакции — только через «а» как в тексте статей, так и в их наименованиях (ст. 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности»).

К сущностным недостаткам можно отнести правовые лакуны²; отсутствие определений для терминов, имеющих несколько смысловых понятий; нормативную избыточность; тавтологию; употребление синонимов в разных значениях; неудачные определения, не отражающие сути понятия; отступление от доктринальных уголовно-правовых принципов; нормативные коллизии.

Правовой лакуной, например, в преступлениях против личности является отсутствие защиты эмбриона, убийство которого в утробе матери ни на каком сроке беременности не считается преступлением.

В Уголовном кодексе РФ имеются **многозначные термины**, толкование которых законодателем может быть различным. Например, ст. 106 предусматривает привилегированный состав убийства — убийство матерью новорожденного ребенка. При этом смягчающее обстоятельство связано с физиологическим со-

¹ Попова С. А., Грузинская Е. И. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 5-1. С. 45.

² Лакуны (от лат. lacuna — пробел) — это «пробелы», «пустоты» в познании, «противоречия» и «темные места» в тексте. В зависимости от вида ценностей лакуны могут быть эстетические, нравственные, религиозные, политические, правовые. Подробнее см.: Данильченко Т. Ю. Лакуны: проблема, термин, понятие // Журнальный клуб Интелпрос “Credo New”. 2010. № 4. С. 16.

стоянием матери и психологической обстановкой родов. Период новорожденности в доктрине определяется месячным сроком. Между тем юридически матерью может считаться и женщина, выносившая и родившая генетически чужого ребенка, и та, которая биологически является его матерью, но использовала суррогатную мать для его вынашивания и рождения. Поскольку суррогатное материнство получило достаточно широкое распространение, в законе следовало бы уточнить субъект данного преступления. Среди правоведов нет единого мнения по этому вопросу: некоторые считают, что фактическая мать, вынашивающая биологически чужого ребенка, должна нести ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии). Есть и противоположные мнения.

В статье 124 «Неоказание помощи больному» УК РФ есть сразу два **неоднозначных термина**: «больной» и «помощь», определения которых в уголовном законе не содержатся. Употребление термина «больной» не совсем точно, так как под действие настоящей статьи подпадает и неоказание помощи беременной женщине, роженице и т. п., которых нельзя в точном соответствии этому слову назвать больными. Кроме того, следует уточнить, что потерпевшим от этого преступления может быть не любой больной, а лишь тот, которому требуется неотложная помощь, неоказание которой способно вызвать причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Также неоднозначен термин «помощь». Конечно, в первую очередь речь идет о медицинской помощи, основные виды которой и лица, обязанные ее оказывать, перечислены в ст. 32—34 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». К ним от-
носятся:

1) первичная медико-санитарная помощь (доврачебная), которая оказывается фельдшерами, акушерами и другими медицинскими работниками со средним медицинским образованием, и врачебная, оказываемая врачами-терапевтами, врачами-терапевтами участковыми, врачами-педиатрами, врачами-педиатрами участковыми и врачами общей практики (семейными врачами);

2) специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь (оказывается врачами-специалистами);

3) скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь (оказывается выездными бригадами скорой медицинской помощи);

4) паллиативная медицинская помощь (оказывается медицинскими работниками, прошедшими обучение по оказанию такой помощи).

До медицинской помощи при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях граждан, им оказывается первая помощь лицами, обязанными оказывать ее в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы, спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб. Водители транспортных средств и другие лица вправе оказывать первую помощь при наличии соответствующей подготовки и (или) навыков. Нормативные акты вышеназванных ведомств также содержат обязанность соответствующих лиц оказывать первую помощь и принимать меры к организации медицинской помощи. Под понятие «неоказание помощи больному», следовательно, подпадают и такие действия, как отказ соответствующих

субъектов от вызова скорой помощи, от транспортировки больного в медицинское учреждение и т. п.

В Уголовном кодексе РФ широко используется термин «оружие», но его уголовно-правовое понятие в законе отсутствует. Статья 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» содержит его определение: «Оружие — устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов». В этом административно-правовом акте дана классификация оружия (гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое и холодное). В свою очередь, гражданское оружие подразделяется на оружие самообороны, спортивное, охотничье, сигнальное, оружие, используемое в культурных и образовательных целях. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» разъясняет, что названный выше Закон регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие Федерального закона «Об оружии» не распространяется. Кроме того, «пневматическое оружие, сигнальные, стартовые, строительно-монтажные пистолеты и револьверы, электрошоковые устройства и искровые разрядники, предметы, сертифицированные в

качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием, не относятся к оружию, ответственность за противоправные действия с которым предусмотрена ст. 222, 223, 224—226¹ УК РФ». Таким образом, это постановление расширяет уголовно-правовое понятие оружия за счет боевого вооружения и сужает его за счет пневматического, сигнального и других видов оружия, не предназначенного для поражения живой или иной цели.

Нормативная избыточность характеризует, например, понятие особой жестокости. Этот признак не раскрывается законодателем в статьях об убийстве, изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Формулировка «совершенное с особой жестокостью» употребляется законодателем в п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ. В других же нормах Уголовного кодекса наряду с особой жестокостью говорится о садизме, издевательствах, мучениях потерпевшего, которые являются признаками проявления особой жестокости. Так, в п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве одного из обстоятельств, отягчающих наказание, называется «совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего»; в п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ говорится о совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью «с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего».

Избыточностью уголовного законодательства также следует считать наличие статей-близнецов (например, ст. 131 «Изнасилование» и ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ)³.

³ Бытует мнение, что субъектный состав ст. 131 и 132 УК РФ различен. Действительно, изнасилования в подавляю-

Различия в объективной стороне (естественное половое сношение или иные насильственные действия сексуального характера) было бы целесообразно объединить в одной диспозиции. Диспозиции ч. 2—5 ст. 131 и 132 УК РФ, а также санкции совершенно идентичны. То же можно сказать о ст. 144¹ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста» и ст. 145 «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» УК РФ.

В Уголовном кодексе часто употребляются термины «вовлечение» (ст. 150, 151, 151², 205¹, 212, 240, 282¹, 282², 361), «склонение» (ст. 110¹, 151², 205¹, 212, 230, 230¹, 282¹, 282², 361), «привлечение» (ст. 63, 242²), «вербовка» (ст. 127¹, 205¹, 212, 282¹, 282², 359, 361), «побуждение» (ст. 110²). По сути, это синонимичные или близкие по значению понятия, означающие способ подстрекательства к совершению преступления. Так, ч. 4 ст. 33 УК РФ определяет, что подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. В данном случае склонение связано с фактическим результатом — решимостью подстрекаемого совершить преступление. Первоначально в статьях Особенной части УК РФ этот термин, как правило, связы-

вался лишь с процессом приобщения к какому-либо деянию, а завершённый результат обозначался термином «вовлечение». На это ориентировал правоприменителей и Верховный Суд РФ. В пункте 42 постановления Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъяснено: «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия... Преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ либо ст. 151 УК РФ».

Показательно, что больше половины составов с названными терминами включены в текст Кодекса уже после его принятия и вступления в действие. В них часто встречается формулировка «склонение, вербовка или иное вовлечение». В последние годы Верховный Суд РФ не разделяет эти понятия, а ставит между ними знак равенства. Так, в п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступле-

щем большинстве случаев совершаются лицами мужского пола. Однако это не исключает совершения женщиной такого преступления в качестве исполнителя в соучастии с мужчиной (например, избивание, связывание жертвы или осуществление другого насилия, которое входит в объективную сторону), а также единоличное совершение изнасилования способом посредственного причинения с использованием в качестве орудия невиняемого лица или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности.

ниях террористической направленности» говорится: «Под *склонением, вербовкой или иным вовлечением*... следует понимать умышленные действия, направленные на *вовлечение* определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и *вовлечения* их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений» (курсив наш. — В. К., С. И.).

Склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, следует считать окончанным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности.

Термин «вербовка» разъясняется также в п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». Причем в нем приведены иные способы этого деяния — «обещание вознаграждения, шантаж, обман или злоупотребление доверием».

Очевидно, что толкования этих понятий Верховным Судом противоречивы, и поэтому их следовало бы заменить единым законодательным определением обобщенного термина, что устранило бы споры по практическому применению уголовно-правовых норм.

Подобного рода **тавтология** есть и в неудачных обозначениях форм соучастия. В статьях 33—35 УК РФ выделяется преступное сообщество (преступная организация) без

дифференциации их значения, а в ст. 205¹, 205⁵, 210, 282² УК РФ предусмотрена ответственность за *организацию* тех или иных преступных *организаций*, определения которых даются законодателем через понятие организованной группы. Такого рода нагромождение однокоренных слов неоправданно.

Еще одна терминологическая проблема связана с употреблением понятия «заведомость». В доктрине российского уголовного права для реализации принципа субъективного вменения считается, что лицо должно нести ответственность только за те действия и квалифицирующие обстоятельства, которые охватывались его сознанием. Поэтому в п. «в» и «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ речь идет об убийстве малолетнего, иного лица, *заведомо* для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а также женщины, *заведомо* для виновного находящейся в состоянии беременности. Такая же формулировка в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 110 «Доведение до самоубийства», п. «а» и «б» ч. 3 и ч. 5 ст. 110¹ УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», в ч. 2 ст. 202 «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами» УК РФ. В пункте «б» ч. 3 ст. 204 «Коммерческий подкуп» УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 204¹ «Посредничество в коммерческом подкупе» УК РФ, ч. 3 ст. 291 «Дача взятки», ч. 2 ст. 291¹ «Посредничество во взяточничестве» УК РФ квалифицирующим признаком признается совершение этих преступлений за *заведомо* незаконные действия.

В то же время в ст. 131 «Изнасилование» и ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ законодатель удалил упоминание о заведомости. Нет его и в п. «в» ч. 7 ст. 204 «Коммерческий подкуп», а также в ч. 3 ст. 290 «Получение взятки». Это нельзя считать небрежностью законодателя, так как до 2009 г. упоминание о заведомости

было и в этих статьях. Сознательное допущение объективного вменения противоречит принципу вины, провозглашаемому в ст. 5 УК РФ.

Терминологические коллизии — одни из самых распространенных недостатков законодательства, в том числе уголовного. На это обращают внимание многие исследователи⁴.

Существенная с политической точки зрения коллизия связана с несоответствием Уголовного кодекса РФ 1996 г. статье 93 Конституции России, в которой установлены основания отрешения президента страны от должности: «Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного *тяжкого преступления*, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения» (курсив наш. — В. К., С. И.). В Уголовном кодексе РФ 1960 г. по состоянию на день принятия Конституции 1993 г. деяния, представляющие наивысшую общественную опасность, именовались тяжкими (ст. 7¹). В перечне тяжких преступлений упоминалась 61 статья (целиком или отдельные квалифицированные и (или) особо квалифицированные составы). С принятием в 1996 г. нового

УК РФ возникла четырехзвенная классификация преступлений по категориям тяжести, в которой появился термин «особо тяжкие преступления». Соответственно, тяжкие преступления уступили им главенствующее место преступлений с наивысшей общественной опасностью. При такой гипотетической ситуации ст. 15 УК РФ не согласуется с нормой Конституции РФ о привлечении президента страны к ответственности. Причиной возникновения такого смыслового конфликта явилась небрежность законодателя, не принявшего во внимание терминологию Конституции РФ. Было нарушено правило: какую бы классификацию преступлений ни использовал законодатель, категория преступлений, обладающих наивысшей общественной опасностью, должна именоваться «тяжкие преступления»⁵.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» суду было предоставлено право понижать на одну ступень категорию тяжести при отсутствииотягчающих обстоятельств и наличии смягчающих, а также при определенных значениях назначенного этим же судом наказания. Широкое исключение из санкций нижних границ лишения свободы практически ничем судью не ограничивает, когда за одно и то же деяние можно законно назначить от двух месяцев до 15 лет лишения свободы (например, по ч. 4 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). Специалисты оценили эту новацию как коррупциогенную, которая «не отвечает в полной мере тре-

⁴ См.: Парог А. И. Шаг к устранению коллизий в уголовном законе // Современные проблемы уголовной политики. V Международная научно-практическая конференция / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 15—21; Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. Правотворческие ошибки как разновидность правовых ошибок // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 2. С. 41—48.

⁵ См.: Иншаков С. М., Казакова В. А. Конституционные коллизии уголовного права // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4 (40). С. 230—236.

бованиям системности уголовного права»⁶. При этом вопрос отрешения президента страны от должности также становится прерогативой суда, а не законодателя.

Единственным выходом из сложившейся ситуации (исключая неприемлемое изменение терминологии в Конституции РФ) является коррекция уголовного законодательства. В настоящее время соответствующее букве закона толкование ст. 93 Конституции РФ искажает смысл этой нормы, в соответствии с которой перечень оснований отрешения президента нашей страны от должности связан с тяжкими преступлениями, а именно умышленными деяниями, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы, и неосторожными деяниями, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 15 лет лишения свободы⁷.

Некоторые коллизии не только проявляются при сравнении текста различных нормативных документов, статей нормативного акта, но даже нередко содержатся в одной статье. Так, ч. 2 ст. 39 УК РФ определяет превышение пределов крайней необходимости как «причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась». В этом же предложении разъясняется, что *явно* несоответствующим может признаваться «вред *равный* или более значительный, чем предотвращенный» (курсив наш. — В. К., С. И.). Это очевидный нонсенс как с

лингвистической точки зрения, так и с позиций логики — равный вред не может быть явно несоответствующим.

Целесообразно было бы исключить упоминание о равном вреде как варианте превышения пределов крайней необходимости. Текст диспозиции в ч. 2 ст. 39 УК РФ можно было бы изложить в следующей редакции: «Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен более значительный вред, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда»⁸.

Терминологически неудачными представляются и названия некоторых видов наказания и иных мер уголовно-правового характера. Так, штраф как денежное взыскание является видом уголовного наказания, в КоАП РФ подобное наказание названо административным штрафом, а с 3 июля 2016 г. один из видов освобождения от наказания именуется судебным штрафом.

Согласно ст. 46 УК РФ штраф может быть назначен от 5 тыс. руб. до 5 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров,

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2016. С. 46 (авторы комментария к ст. 15 — М. М. Дайшутов, Н. Г. Кадников).

⁷ Подробнее см.: Иншаков С. М., Казакова В. А. Указ. соч. С. 230—236.

⁸ Подробнее см.: Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий): монография / под общ. ред. А. А. Крымова; под науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд. М., 2018. С. 16, 33—34.

работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. В 2011 и 2013 гг. УК РФ дополнен еще одним вариантом исчисления штрафа, предел которого равен стократной сумме подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Его пределы исчисляются от 25 тыс. руб. до 500 млн руб.

Субъектный состав административного штрафа шире. Он может назначаться гражданам, должностным и юридическим лицам. В соответствии со ст. 3.5 КоАП РФ его размер зависит от вида правонарушений, их повторности. Размер административного штрафа для граждан составляет от 100 руб. до 500 тыс. руб., для должностных лиц — от 50 тыс. до 1 млн руб., для юридических лиц — от 1 млн до 60 млн руб. В этой же статье КоАП РФ предусмотрены 18 видов штрафа, которые измеряются кратно к различным суммам, связанным с убытками от административного правонарушения, полученными правонарушителем доходами, ценой договора, а также совокупным учетом различных экономических показателей. Отдельные статьи Особенной части КоАП РФ дополнены указанием на нового субъекта, который по величине штрафа занял промежуточное положение между должностным и юридическим лицом — «лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица», не упоминаемого в Общей части.

Часто даже для физических лиц суммы административного штрафа превышают суммы штрафа как уголовного наказания.

Нелепой новацией законодательной техники является регламентация ограниченных кратким временным периодом конкретных правонарушений, предусмотренных

ст. 14.15.2 «Незаконная реализация входных билетов на матчи чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года или документов, дающих право на их получение» и 14.15.3 «Реализация поддельных входных билетов на матчи чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года или поддельных документов, дающих право на получение входных билетов на матчи чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года». Размер штрафа за первое из них установлен в Общей части КоАП РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 3.5 КоАП РФ «размер административного штрафа... в случае, предусмотренном статьей 14.15.2 настоящего Кодекса, не может превышать для граждан двадцатипятикратный размер стоимости входного билета на матч чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, явившегося предметом административного правонарушения, или стоимости входного билета на матч чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, указанной в документе, дающем право на получение входного билета на матч чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, явившемся предметом административного правонарушения, для должностных лиц — тридцатикратный размер стоимости входного билета на матч чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, явившегося предметом административного правонарушения, или стоимости входного билета на матч чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, указанной в документе, дающем право на получение входного билета на матч чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, явившемся предметом административного правонарушения».

Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера применяется за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести и отнесен законодателем к основаниям освобождения от уголовной ответственности. Его размер не может превы-

шать 250 тыс. руб. и назначается до половины максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Такое дублирование наименований мер наказания и иных уголовно-правовых мер представляется неоправданным, так как штраф как вид наказания тоже назначается только судом, и потому его также можно назвать судебным. Несмотря на то что сущность штрафа как принудительного денежного взыскания неизменна в любом употреблении этого термина, его наименование должно быть различно в зависимости от того, применяется ли он как уголовное наказание, административное наказание или мера освобождения от уголовной ответственности, тем более что правовые последствия назначения того или иного вида штрафа существенно различаются.

Термин «обязательные работы» с 2012 г. также имеет межотраслевое значение. В соответствии со ст. 49 УК РФ и ст. 3.13 КоАП РФ это наказание заключается в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. В том и другом случае труд — обязанность наказанного, от которой он не может отказаться. Согласно ч. 2 ст. 37 Конституции РФ принудительный труд запрещен. На основании отсутствия упоминания в ст. 4 ТК РФ о возможности принуждения к труду административно наказанных лиц в специальной литературе высказывается мнение о его принудительности⁹. Однако ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет охранительную задачу, связанную с возможностью ограничения прав и свобод человека и гражданина фе-

деральным законом. Вместе с тем КоАП РФ представляет собой такой же источник права. Неупоминание о легитимности принуждения к труду, который в этом наказании является его сущностью, следует считать правовым пробелом, который надлежит восполнить. Одинаковое наименование видов уголовного и административного наказания нивелирует межотраслевые различия и дискредитирует понятие общественной опасности деяния.

В течение последних лет юридическим сообществом активно обсуждается проект введения уголовного проступка, который будет наказываться обязательными, исправительными и принудительными работами, представляющими собой в данной сущности иную меру. При злостном уклонении от этой меры она, согласно законопроекту, подлежит замене уголовными наказаниями.

Основная обязанность осужденных к этим наказаниям и предполагаемым мерам состоит в занятии общественно полезным трудом. Ключевое слово в данном случае — «работы». Как бы ни назывались работы (обязательные, принудительные, исправительные), они обладают одинаковыми характеристиками. От них нельзя отказаться; вид труда, как правило, не подлежит выбору. Варьируется лишь место работы: там же, где осужденный работает на момент осуждения или в иных местах, а также по месту жительства или с выездом в исправительный центр (при отбывании принудительных работ). При исправительных и принудительных работах определенный процент из заработной платы удерживается в доход государства, а при обязательных работах труд безвозмезден и выполняется в свободное от основной работы или учебы время. Исправительная составляющая примерно одинакова во всех трех разновидностях, так как обязанностью как уголовно-исполнительных инспекций,

⁹ См.: Долгих И. П. Обязательные работы как вид административного наказания: проблемы назначения и исполнения // Система ценностей современного общества. 2014. № 37. С. 83.

так и исправительных центров является проведение воспитательной работы с осужденными. В названии «принудительные работы» прослеживается определенная тавтология, так как признак принудительности присутствует в любом наказании согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ.

Надзор в принудительных работах значительно строже, чем в исправительных и обязательных работах, его режим ближе к отбыванию лишения свободы в колониях-поселениях, нежели при отбывании наказаний, не связанных с лишением свободы. Это касается проживания в общежитиях, свободы передвижения, работы вне пределов колонии или исправительного центра, общения с родственниками, возможности краткосрочных выездов (см. гл. 8¹ и ст. 128—129 УИК РФ). Сходство с режимом колонии-поселения позволяет говорить о возможности их превращения в единую меру.

Вариантами одного наказания могли бы быть обязательные и исправительные работы с одним названием. Тем более не следует таким же термином именовать административное наказание и иные меры уголовно-правового характера, правовая природа которых обусловлена освобождением от ответственности. Разрушение системы мер уголовных и административных наказаний и иных мер уголовно-правового характера позволяет прогнозировать их новую систематизацию на основе сущностных элементов режима и других средств исправительного воздействия.

Терминологические недостатки законодательства обусловлены также отсутствием единой концепции в части вектора уголовной политики. В настоящее время он характеризуется явным уклоном в ослабление наказуемости экономических преступлений и ужесточением ответственности за коррупционные деяния. Обе категории не являются взаимоисключающими, так как нередко коррупционные деяния свя-

заны именно с сектором экономики. Кроме того, зачастую они совершаются в совокупности (например, мошенничество и иные хищения, злоупотребление должностными полномочиями и их превышение, должностной подлог, деяния, связанные со взяточничеством и коммерческим подкупом). Стремление законодателя направить судебную практику по пути либерализации оборачивается необоснованным сужением полномочий суда, вступающим в противоречие с его правами, изначально установленными в Уголовном кодексе.

Традиционно при освобождении от ответственности и наказания, а также при избрании судом условного наказания, замены вида наказания при уклонении от него суд имеет возможность выбора, так как в уголовном законе употребляется формулировка «суд может...», «лицо может быть освобождено» и т. п., тем самым подчеркивается наличие у суда властных полномочий по учету всех факторов, позволяющих выносить решение с учетом прогноза поведения подсудимого или лица, отбывающего наказание.

Например, суду предоставлено право выбора при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ). При освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ) употреблено словосочетание «лицо... освобождается», лишаящее суд такого выбора.

Тот же смысл вложен в норму о злостном уклонении от исправительных работ, в которой применяется конструкция «суд может заменить...», что означает судебское усмотрение. При рассмотрении ситуации о злостном уклонении от обязательных работ или об уклонении от принудительных работ формулировка в законе императивная — «они заменяются...». Такое на

первый взгляд незначительное расхождение логически необъяснимо, но по сути означает разный объем компетенций суда по воздействию на лиц, отбывающих эти наказания.

Иногда такая безальтернативность является весьма опасной. Так, в одном из обсуждаемых в Минюсте России проектов предлагалась новая редакция ч. 2 ст. 81 УК РФ, в результате которой формулировка «лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания» будет заменена на «лицо... освобождается судом...».

Лицо, заболевшее после совершения преступления тяжелой болезнью (не связанной с психическим расстройством, приводящим к невменяемости), в ряде случаев представляет весьма серьезную угрозу в качестве потенциального рецидивиста; его физическое состояние, несмотря на нездоровье, сохраняет за ним возможность адекватно воспринимать карательно-исправительное воздействие, т. е. осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Иначе говоря, соматическое заболевание ставит под угрозу жизнь такого осужденного, но не препятствует отбыванию наказания. Надзор за таким освобождаемым и помощь в социальной адаптации в связи с тяжелой болезнью не гарантируется государством и не исключает нового преступления.

Суд, решая вопрос о возможности освобождения заболевшего осужденного, строит прогноз его поведения с учетом реальных возможностей ухода за ним, его бытового устройства, наличия средств к су-

ществованию. При этом такое разрешение получают далеко не все ходатайствующие, что свидетельствует о неформальном подходе и существенной роли суда в этом вопросе. Исключить судебное усмотрение в этом вопросе означает умалить значение судебной власти и предоставить такую миссию медицинскому работнику на основании поставленного диагноза. Смертельно больной человек может не опасаться нового наказания. Общество в этом случае останется незащищенным от потенциального преступника. Социальная адаптация таких больных, помещение в надлежащие условия на свободе, надзор за ними должны быть законодательно гарантированы и обеспечивать безопасность общества. При нынешнем положении суд не следует лишать возможности отказа от освобождения.

Судейское усмотрение не должно быть чрезмерно широким, чтобы не создавался соблазн коррупционных правонарушений и обеспечивалась законность судопроизводства, но все же в определенных рамках оно должно быть.

Оптимизация уголовного законодательства может проводиться в нескольких направлениях, среди которых совершенствование юридической терминологии отнюдь не второстепенное. Справедливость и эффективность закона достигается посредством коррективных лингвистических формул. Истинная мысль, истинная идея при неточном отражении в словах теряет свою истинность. Идея права, дух закона должны соответствовать нормативным формулировкам и законодательным терминам. В этом ракурсе форма закона столь же значима, как и отраженная в ней правовая сущность.

Библиографический список

Атагимов А. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. Правотворческие ошибки как разновидность правовых ошибок // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 2.

Данильченко Т. Ю. Лакуны: проблема, термин, понятие // Журнальный клуб Интелпрос "Credo New". 2010. № 4.

Долгих И. П. Обязательные работы как вид административного наказания: проблемы назначения и исполнения // Система ценностей современного общества. 2014. № 37.

Иншаков С. М., Казакова В. А. Конституционные коллизии уголовного права // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4 (40).

Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий): монография / под общ. ред. А. А. Крымова; под науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд. М., 2018.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, по-статейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2016.

Попова С. А., Грузинская Е. И. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 5-1.

Рарог А. И. Шаг к устранению коллизий в уголовном законе // Современные проблемы уголовной политики. V Международная научно-практическая конференция / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014.

References

Atagimova E. I., Potemkina A. T., Tsopanova I. G. Law-creating errors as a form of legal errors. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*, 2017, no. 2, pp. 41—48. (In Russ.)

Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article). Ed. by S. V. D'yakov, N. G. Kadnikov. Moscow, 2016. 1040 p. (In Russ.)

Conflicts of legislation of Russia and a number of countries (brief scientific commentary). Ed. by A. A. Krymov, A. P. Skiba. 3rd ed. Moscow, 2018. 407 p. (In Russ.)

Danil'chenko T. Yu. Lacunas: a problem, the term, concept. *Zhurnal'nyy klub Intelros "Credo New"*, 2010, no. 4. (In Russ.)

Dolgikh I. P. Community service as a form of administrative penalty: problems of sentencing and implementation. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*, 2014, no. 37, pp. 81—85. (In Russ.)

Inshakov S. M., Kazakova V. A. Constitutional collisions of criminal law. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2016, vol. 10, no. 4 (40), pp. 230—236. (In Russ.)

Popova S. A., Gruzinskaya E. I. The quality of laws as an element of the legal technique (a case study of criminal law). *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2019, vol. 9, no. 5-1, pp. 43—50. (In Russ.)

Rarog A. I. The step to elimination of conflicts in the criminal law. *Modern problems of criminal policy. V international scientific and practical conference*. Ed. by A. N. Il'yashenko. Krasnodar, 2014. Pp. 15—21. (In Russ.)